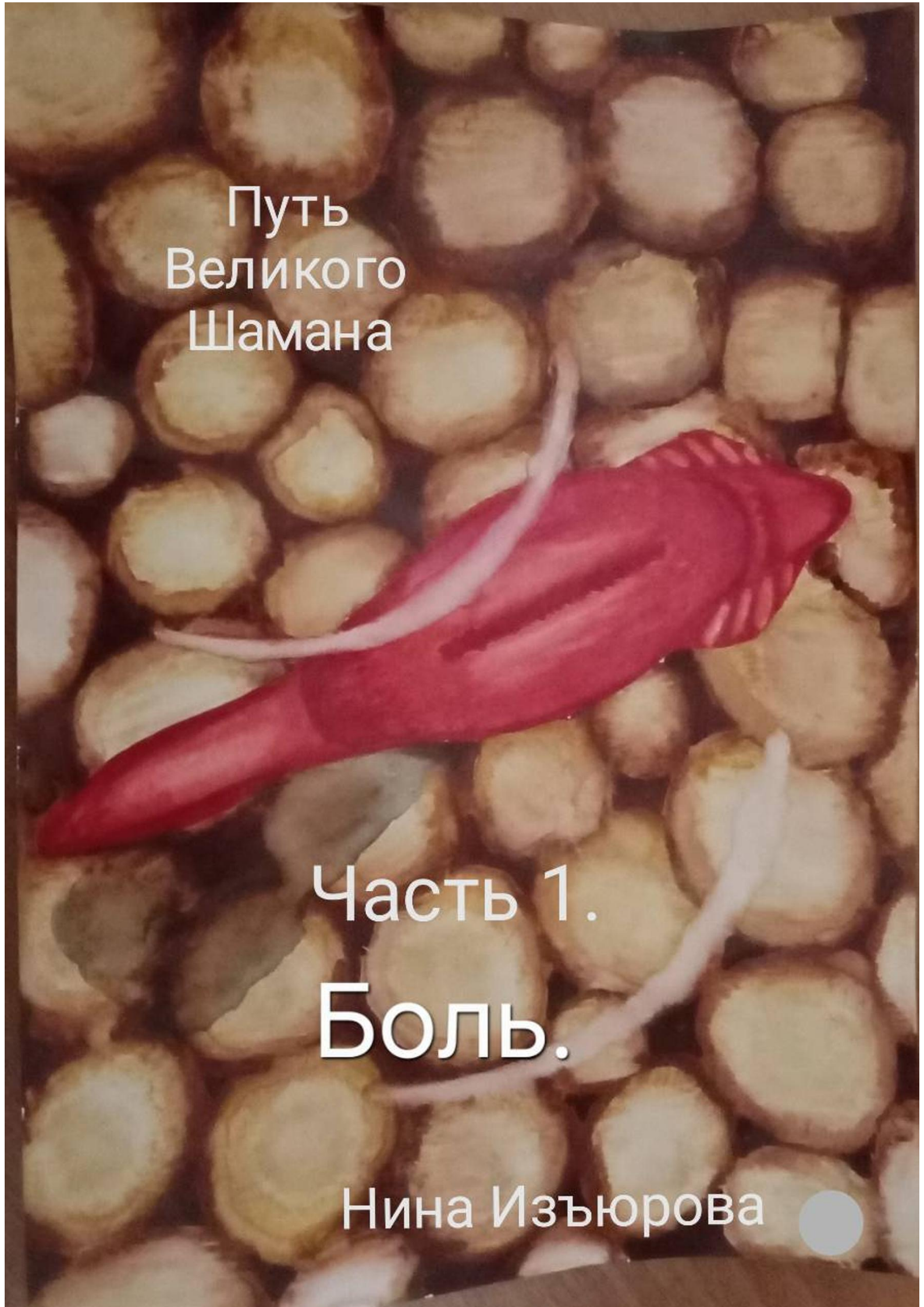

The background of the entire image is a dense, close-up photograph of numerous light-colored, circular seashells, possibly limpets or small nautilus shells, arranged in a repeating pattern. A single, vibrant red seashell is positioned diagonally across the center of the image, standing out prominently against the lighter background. The red shell has a smooth, glossy texture and a pointed, conical shape.

Путь
Великого
Шамана

Часть 1.
Боль.

Нина Изъюрова

Вынимаю тело самострела

Нина Изъюрова

Путь Великого Шамана. Часть 1

«Автор»

2025

Изъюрова Н.

Путь Великого Шамана. Часть 1 / Н. Изъюрова — «Автор»,
2025 — (Вынимаю тело самострела)

Роман в 4 ч. Посвящаю Роду Изъюровых. Главный герой - подросток малой народности, подвергшейся геноциду. Опустошённый. Он понимает, что что-то в его жизни не так, но не понимает - что именно? И, тем более, как это изменить? В какой-то момент судьба сводит его с Шаманом. Подросток не понимает, зачем в его жизни появилась эта персона? Что его к нему влечёт? Герой ожидает подвох. И ждёт подходящего момента, чтобы выплеснуть на Шамана то, что накопилось до встречи с ним. В процессе общения подросток начинает ощущать внутри себя взведённый самострел, который раньше не замечал. Но который влиял на его судьбу. Он в ужасе, потому что вынуть его не в состоянии. И не замечать его тоже уже не может. Он начинает считать, что виновник всего Шаман. До их общения самострела не было, а тут появился. Наступает кризис, которого подросток боялся больше всего. Старые смыслы рушатся. Пройдя его, он обнаруживает, что самострел саморазрядился. Он жив. И в этом заслуга Шамана. Великого Шамана.

© Изъюрова Н., 2025

© Автор, 2025

Нина Изъюрова

Путь Великого Шамана. Часть 1

«Новобранец».

Когда я родился – мирно светило солнце. Начало рассвета. Лучи нащупывали себе путь – нежно и настойчиво. За их робкими движениями чувствовалась такая сила и настойчивость, что туман, застилавший овраг, понял – его дни сочтены.

Весна. Она шла такими волнами по земле, что им невозможно было противостоять. Земля выходила из спячки. Туман обрывками полз, прижимаясь книзу, надеясь найти убежище, но не мог найти пристанища. Солнцу помогал ветер – сегодня они были союзниками.

Красный луч коснулся моего лба – это было посвящение. Я его не искал. Я его не выбирал. Он нашёл меня. Он выбрал меня. Красный луч иного мира. Земля – одно из пристанищ. Из многих. Я знал об этом ещё задолго до того, как родился здесь.

Я пришёл сюда по зову. Зов звал меня, врываясь в сны. Он будоражил мою кровь, взрывал моё сердце. Я знал, что все это не случайно, и поэтому был готов ко всему. В любой момент. Жизни и смерти. Раз зов достиг меня – значит – он был направлен именно ко мне, и только я мог быть явлен этому зову. Так зовёт раненный олень – чтобы прекратить свое мучение. Так зовёт конь погибшего хозяина – в надежде на встречу. Такие зовы нельзя игнорировать – потому что они настигнут и в следующей жизни.

Я был мал, я был слаб. Моё рождение не было благословением для моих родителей. Они видели во мне лишь лишний рот. Тряпки, в которые обрядили моё тело, ничем не отличались от лохмотьев. Еда, столь скудная, не отличалась многообразием. Это совсем не тяготило меня – могло быть и хуже. Я рос в семье, но был вне её.

Я искал источник зова.

Делая свои повседневные дела, я всегда помнил – зачем я здесь. Шансов, что я забуду про зов, не было...

Прошло время.

Я возмужал и окреп. Работа по дому и в поле сделала свое дело.

Мышцы налились силой. Кости окрепли. Холод зимних ночей, роса, солнце и ветер – все старались на славу, помогая мне.

Сама планета давала мне сил. Стоя босыми ногами на земле, я чувствовал, как живительное тепло проникало внутрь меня.

Пока однажды это все не прекратилось. Я потерял связь с землёй. Я потерял связь с планетой.

Это случилось так.

Долгие зимние вечера навевают скуку. Все дела по дому сделаны, и можно пошалить. Шалости – это удел детей, а я был ещё ребёнком.

Но я не думал, что шалость может завести так далеко...

Мы вызывали духов. Чем ещё можно заняться вечером в деревне? Но это был не простой дух. Это был дух погибшего оленя. Его загрызли волки. И олень поведал о своей любимой, о тоске по ней... И я опять услышал отголосок зова. Не олень был его источником, но что-то рядом, я не понял. Вернее, понял, но не до конца.

Вечером за ужином родители спросили меня, что со мной? Казалось, что ничего не произошло, но что-то изменилось. Что-то изменилось внутри меня, и это стремилось выйти наружу. Сопротивляться этому хотелось, но не моглось. И я сдался.

Утром я проснулся другим человеком.

И этот человек абсолютно не походил на меня прежнего.

Я стал хмурым, угрюмым и злым. Злость распирала мою грудь, давила изнутри. Я ненавидел этот мир, ненавидел людей, ненавидел себя...

Моё предательство себя прошлого не прошло бесследно. Я замкнулся. Общаться стало не с кем, да и, честно говоря, не о чем.

Я ушёл на дно.

Долгими ночами, глядя в звёздное небо, я тосковал. Я тосковал по дому. По моему настоящему дому. Дому, который я покинул.

Жизнь потеряла смысл. Зачем я здесь? Чужая планета. Чужие люди. Никто из них не мог разделить со мною мой мир. Они были чужды мне по духу – и я это понял. Их интересы были мне не понятны и чужды. Я отвергла их – и они в ответ отвергали меня. Тарелка супа раз в день – все, что связывало меня с ними в тот момент.

Как-то раз, ночью, я услышал скрип половиц. Это мыши, – подумал я, не открывая глаз.

Передо мной стоял олень. Тот самый, дух которого мы вызывали. Он стоял тихо и спокойно, ничуть меня не боясь. Его тёплый нос ткнул я мне в руку. Ничего не оставалось, как погладить его в ответ. Роднее, чем он, для меня в тот момент не было... Олень пришёл ко мне, ведомый зовом. Я это понял, когда сидел на его спине, а он бежал, оставляя позади себя облака. Розовый свет освещал нам путь, и куда мы направлялись – ведомо было лишь ему одному.

Во мне не было страха. Не знаю почему, но я всегда это знал. Я знал о своём предназначении – и этого было достаточно.

Тело парило вслед за мечтой. А я открыл глаза пошире. Ветер свистел в ушах, слезы застилали глаза, и я был готов.

Готов был ко всему, кроме того, что я увидел.

То, что я увидел, повергло меня в шок. Я увидел самого себя, поверженного наземь. Обезглавленного, обезкровленного. Со связанными руками за спиной.

В непонимании я остановился в двух шагах от тела. То, что это был я – я не сомневался. Даже одежда была та же, что на мне и сейчас.

Зачем я здесь? Как это произошло? Кто так сделал? – такие вопросы роились в моей голове.

Сначала я решил, что попал в западню. Но никто не нападал на меня. Ничто не угрожало мне. Олень снова подошёл ко мне и ткнулся носом мне в спину.

Никто ничего мне не говорил, но ко мне пришло прозрение – это так заматались следы обо мне в моем мире.

Охотник, наткнувшись на это место, принесёт моим родителям весть о моей безвременной гибели от неизвестных рук. Мстить за меня некому, да и не за что.

Так что все складывалось для меня как нельзя лучше. Я снова сел на оленя, и мы поскакали туда, куда он один знал.

Моё прошлое растаяло вдали, грустить было не о чем и не о ком.

Временами он опускался на землю, нюхал снег, как мне казалось, пытаясь что-то вспомнить или отыскать.

Мы неслись уже довольно долго, по моим ощущениям, но ночь все длилась и длилась.

Ночь не просто окружала нас, она жила своей жизнью. Тоненькие струйки мрака перетекали сверху вниз и обратно. Мрак двигался как клубы тумана в день моего рождения. Он поглощал большое и увеличивал иллюзорно маленькое. Жонглировал бесформенностью, отчего она, казалось, оживала.

Розовый свет освещал все это ровным, спокойным светом, и от этого все происходящее казалось нереальным.

Но это было реальностью. Пусть иной, но все-таки реальностью. И в ней рождалось нечто, чему предстояло быть.

Из клуб мрака вынырнули руки, и схватили меня за горло. Сдавили мёртвой хваткой, так, что нечем стало дышать. В голове тихо лопнул пузырёк, и я умер. Ноги подкосились, и я рухнул там, где стоял.

Олень бродил рядом, принохиваясь к земле. Он шевелил тёплыми губами, как бы прощаясь со мной. Его путь был закончен. Он доставил меня в пункт назначения, его миссия была выполнена.

Дальше двигаться нужно было мне одному. Ветер. Никогда не думал, что он может достигать такой силы. Он продувал меня насквозь, даже кости не были ему препятствием. Казалось, у него не было конкретного направления, он дул сразу со всех сторон.

Тем удивительней было сделать шаг в таких условиях. Закрывать лицо руками не было смысла, закрывать глаза – тоже. Шаг. Второй. Третий. Дальше было легче. Вдруг все стихло. Ветер утих. Свист замолк. Я оказался перед входом в пещеру. Из неё струился тихий свет. Ничто не толкало меня туда – я сам вошёл в него. Вошёл, и понял. Я всегда был в нем. А он – со мной. Я и он – это одно. И этот свет согрел меня. Дал сил. Вдохнул Жизнь. Я вспомнил то, что давно забыл. Свет был предвестником Огня, через который предстояло пройти всем. Это и радовало, и пугало одновременно. Как потом оказалось, не меня одного...

Уходить не хотелось, но я знал – так надо. Меня ждут, и я нужен. Там – сильнее, чем здесь. Тут могут подождать – спешить некуда. Там – осталось мало времени. Меньше, чем ожидалось. Меньше, чем хотелось.

Свет не просто согрел меня. Не только дал сил. Он дал мне проводника между нами – на случай, если понадобится помощь. Он знал – туда, куда я направляюсь – она мне понадобится. Я же всего-навсего обычный человек...

Возвращение было быстрым и простым. Я просто открыл глаза, и ощутил себя лежащим на земле, в той самой одежде и позе, до того как умер. Олень пасся рядом, как ни в чем не бывало. Похоже, он даже не заметил того, что со мною было. Ночь длилась бесконечно, но теперь на её смену шёл рассвет. Его первые признаки появились вокруг, но были ещё настолько слабы, что ещё только угадывались...

Я встал, отряхнул одежду. Становилось прохладно. Я не знал, куда идти и что делать. Но это не вводило меня в тупик. Моя свобода позволяла мне все. Я больше ничем не был связан или ограничен. Весь мир лежал передо мной, и готов был следовать перед каждым моим шагом за мной. Всё это создавало во мне ответственность за каждый мой шаг, за каждое моё действие, что поначалу смутило меня.... В тот день я ещё не совсем ясно представлял о возможных последствиях своих поступков, хотя имел об этом догадки.

Ещё раз повторяю – я остался обычным человеком.

– Надо идти к людям, оставаться среди них, но быть собой – это я знал точно, точнее некуда.

Любое стойбище, поселение – было бы моим родным домом.

Я отпустил оленя – нас не должны были видеть вместе, и зашагал куда глаза глядят. Лучи, первые, уже пробили горизонт, и теперь готовы были взметнуться ввысь – Свобода!!! Она пропитала все вокруг собой – и осталась верна сама себе. Дышать ею может лишь тот, кто этого хочет. Я шагал, наслаждаясь её ароматом. Чем дальше я уходил, тем большим спокойствием и уверенностью наполнялось моё нутро. Страх не было.

Первые дымки очагов появились перед моим взором лишь к вечеру путешествия. Лаяли собаки. Смеялись дети. Селение на сорок душ стояло посреди леса, окруженное со всех сторон кольями, увешанными черепами.

На первый взгляд – ничего странного – обычное селение охотников. Но среди них был один человек – я это нутром чуял – не совсем обычный. В чем состоит разница – я не до конца уяснил себе. И в этом предстояло разобраться. Что он несёт в себе – это предстояло выяснить.

Я попросился на ночлег. Меня приняли за ограждение, но никто не пустил на порог дома. Обычная осторожность. Пустили к костру – погреться – уже хорошо. Я расположился на земле у костра, положил под голову обрубок дерева, и закрыл глаза. Но поспать не получилось.

Кто-то подошёл и сел рядом. Чьи-то ноги легко коснулись моей груди. Пальцы шаловливо полезли ко мне в подмышки, перебирая растительность. Я не открывал глаз, понимая, что взрослый человек так поступать не может, а ребёнку надоест играть с мёртвой игрушкой, и он отстанет. Но я ошибался. Это было ни то, ни другое. Это была девушка, юная, чтобы быть матерью, и взрослая, чтобы так приставать к незнакомцам. Её безстрашие насторожило меня. А когда она разделась донага – смутило. Она явно чего-то хотела, и явно не хлеба с маслом... Обычай в каждом стойбище разные, и это не могло быть исключением. Так могли поступать женщины, если совсем не осталось мужчин. Или гость был настолько значим в глазах племени, что дочь вождя считала честью для себя побыть с ним наедине. Или если женщину по каким-то причинам отвергали все мужчины племени, но природа требует свое.

Я не мог считаться важным гостем – меня никто не пустил на порог. Я спал на земле – мне нечего было подстелить под себя. Я видел много молодых и сильных мужчин – они впустили меня.

А она... Я никогда никого не видел лучше, чем она. Она светила изнутри, как маленькое солнышко. И я опять услышал зов. Он шёл изнутри меня, но направлен был не к ней. Но её ничто не смущало. Она распустила волосы, и осталась сидеть рядом. Её запах дразнил меня, щекотал мои ноздри и уши. Каждая клеточка её тела говорила – бери, люби меня!!! Я – вся твоя!!! На безмолвный призыв её тела сбегались все собаки, что были поблизости, птицы смолкли, и даже костёр стал еле-еле тлеть, будучи готов погаснуть в любую секунду. Мне стало страшно, но не за себя, а за неё.

То, что внутри неё желало совокупления, готово было позволить этому случиться с любым, кто окажется рядом.

И девушка была одержима этим.

Я не осуждал её. Ей и так было тяжело. Зная о её слабости, наверняка ни один мужчина не желал быть её мужем. Как бы красива она ни была.

Я открыл глаза. Посмотрел в её – прямо и открыто. Она все поняла – что я все понимаю. И это отшатнуло её от меня. Откинуло, как волна отбрасывает пену при ударе об песок. Она закрыла лицо руками, как будто защищаясь от меня.

Я сел, и достал из кармана дудочку из засохшего стебля камыша. Приложил к губам и легонько в нее подул. Тихий шелест наполнил воздух. Огонь в костре вновь вспыхнул с прежней силой и осветил нас. Она накинула на себя одежду, и мы сели, спина к спине, боком к костру. Огонь стремился ввысь, дым стелился вниз, искры разносило в разные стороны. Она пылала, как этот костёр, но я не мог допустить, чтобы она сгорела дотла. Дудочка пела о новой земле, где все страхи остались позади, звук стирал память о пережитом, и во всем мире не осталось ничего, кроме нас двоих. Так мы и уснули, спина к спине.

Утром рядом со мной никого не оказалось. Но кто-то принёс и оставил на земле рядом со мной миску похлёбки, кусок хлеба и нитку бус. Я поел, и направился дальше, куда глаза глядят. Путь мой только начинался, и возвращаться к тому, от чего я ушёл, не имело смысла. Во всяком случае – сейчас.

Но я ошибался. Уйти не удалось. Из дома поблизости вышел старик, и направился в мою сторону. Он пересёк мой путь. Остановился. Пришлось остановиться и мне. Мы встретились взглядом. Его глаза были слепы для этого мира, но открыты для другого. Одно другому не помеха, я знаю. Он сложил руки на груди, и поклонился мне. Мне стало стыдно, что пожилой человек кланяется мне, и поклонился ему в ответ.

Старик заговорил. Его голос был тих. Тело – сухо. Он производил впечатление тени, забывшей дорогу назад.

– Она – моя внучка. Самая любимая. Мы не знали, чем ей помочь. Привязывали её к дереву. Она убила двоих. Она спит. Сейчас. Но проснётся, и станет искать тебя. Дождись её пробуждения.

Я присел тут же, где стоял.

Наступала ночь. Постепенно темнело. Сумерки появились, как сметана на молоке – начиная с краёв. Но граница горизонта не сдавалась дольше всех, особенно – где село солнце. Его прощальные лучи посылали свет до конца. Но и оно не всесильно. Ночь на правах хозяина расстилала свое покрывало по земле. Кто-то этому был рад, кто-то готовился к отдыху, а для кого-то только-только начиналась охота.

Я спал, и не мог видеть, как рядом со мной на ветку дерева сел филин. Он сложил крылья, помогал глазами. Затих. Посидел какое-то время, и взмыл вверх. Тихо, беззвучно, тенью. Не оставив следов. Видимых. Оставив след – осязаемый. Для меня.

Вестник.

Я ждал его.

Не сейчас....

Девушка открыла глаза. Чистый, ясный взгляд глубоко посаженных глаз сверкнул солнечным лучом по предметам. Они спали. Казалось, глубоким сном – просто их ещё никто не будил.

Девушка – босая и нагая – встречала этот день – первый в своей жизни. Первый в своей новой жизни. Он был сладок, и она предвкушала вкусить его весь – без остатка.

На память пришли воспоминания о событиях вчерашнего дня – она вспомнила все, без остатка.

Казалось – это было не с ней, не в её прошлом. Она не помнила ничего из своего прошлого – даже имя. Но это её не пугало. Это звучало как обещание. Как право на надежду. И она это знала.

Почему – то захотелось снова увидеть этого долговязого незнакомца.

Он первый, кто был другим в её жизни.

И что-то останавливало от встречи с ним, хотя она знала, что он не представляет никакой опасности для неё.

Он был другим. Она это знала. И как вести себя с такими людьми – она не знала. Опыта общения с ними у неё не было, чего от них можно ожидать – не представляла, и почему он появился в её жизни – не догадывалась.

Девушка была себе на уме, и старик это знал. Она брала без спроса, отбирала без потребности, нападала без предупреждения – и в то же время могла помочь раненному. А могла и не помочь. Чем она руководствовалась – знала только она сама. Добитые ею уже никогда об этом не расскажут...

Наша с нею встреча – обмен. Она мне – смерть, я ей – Жизнь. Всё по-честному. Дающий получает больше, на что может рассчитывать. Получающий даёт меньше, чем мог. Мы рассчитались по-полной.

Я ждал её. Она пришла. Села рядом. Помолчала. Покрутила на пальце прядь волос. Достала нож. Отрезала её. Скрутила в кольцо и подожгла. Горелого запах разошёлся вокруг. Ну вот и все. Прощание состоялось.

Наши пути навечно развелись.

Я не оглянулся.

Каким может быть будущее? – этим вопросом я никогда не задавался. И зря.

Оно стучало в мои двери, требуя их открыть. Засов был крепок, но он был открыт. Я видел смерть всего живого, но не задавался вопросом – как это произошло? И почему?

Смерть всего живого – это слишком несправедливо по отношению к оставшемуся. Это предстояло исправить.

Как? Только вопрос времени. Когда появляется проблема, тут же появляется её решение – нужно только обнаружить и понять.

Терпение у меня есть, время тоже. Осталось только быть внимательным. Внимательным ко всему происходящему. К каждой капле, к каждой пылинке, к каждому лучику, к каждой песчинке.

И я отправился дальше.

Шёл, пока не уставал. Пил воду из ручья, ел ягоды и грибы. Спал на мху. Дикие звери берегли мой сон. Звезды освещали путь. Дым грел тело. Всё вокруг поддерживало меня и придавало сил. Я принимал это как должное. Я принимал заботу обо мне с благодарностью и уважением к тому, кто это оказывал.

На третий день пути мне повстречалась одинокая сосна. Совершенство её форм остановило меня. Зелень её игл показала глубину цвета. Форма её ствола рассказала мне о силе корней. Ветви поведали о стремлении сосны обрести свободу. Сова, живущая в дупле ствола, могла бы рассказать о ещё большем, если бы могла. Если бы была жива. Причину её смерти я желал познать.

Я сел рядом с сосной, и начал ждать. Ждать пришлось долго.

Уже взошла луна, когда наконец она появилась. Тень на земле. Тень на дереве. И тень рядом со мной. Их было трое. Я был один. За меня был весь мир. Они были сами по себе.

Они молчали. Я тоже. Я молча сидел, и смотрел перед собой. Имея терпение, можно узнать о многом. Луна светила. Звезды мерцали. Плач, безмолвный, стал слышен. Тени плакали. Тоска, звучавшая в их плаче, не просто звучала. Она будила во мне воспоминания о доме. О моем настоящем доме. Тени не могли найти нигде приюта. Но я не мог быть им пристанищем – они это знали. Не они были причиной смерти совы – это я понял. А их плач.

Но их плач мог рассказать о причине случившегося. Я остался слушать. Чем дольше я слушал, тем более погружался в транс. Видения, одно за другим, являлись перед моим взором.

Я видел выжженную землю. Смерть. Вокруг одна смерть. Тени плакали, но тогда они не были такими. Я не мог им ничем помочь. Тени плакали, и просили пощады. Или помощи? Её некому было оказать. Все горело. Языки пламени лизали небо. И воздух был не просто воздухом, живительной влагой – печь. Топка. Пекло. Ядерный реактор. Как это началось? Что послужило причиной?

Игры. Недетские игры взрослых-детей.

Тени не были детьми. Но и не были взрослыми.

Тени были вне возраста. А значит – вне времени. И значит – вне Жизни. Они были обречены с самого начала. Но они хотели жить!!! Зачем? Они об этом никогда не задумывались. Поэтому финал был ожидаемым.

Я не знал, что им сказать.

Сказать – это сделать.

Или нет.

Забрезжил рассвет. Они исчезли. Ложиться спать было поздно, да и не хотелось, как я ни старался. И зря.

День обещал быть трудным. Предстоял путь.

Вдаль. Вперёд. Перед собой.

Путь в двух направлениях.

И я пошёл.

Сколько прошло времени – я не могу сказать. Чтобы понять тех, кто оказался вне времени – нужно самому побывать там. Чтобы стать таким – не нужно ничего. Я не мог допустить, чтобы кто-нибудь оказался со мной там, поэтому был предельно осторожен. Я отсекал всех возможных, кто из любопытства мог оказаться рядом. Перенаправил тех, чей путь по их случайности мог пересечься с моим. И все же я был не один. Нечто сопровождало меня. Оно было

ощутимо, но не осязаемо. Его мощь впечатляла, но не настораживала. Уважение к его величию придавало сил, и добавляло мужества. Страха не было – спокойствие и уверенность заполняли все вокруг. Это длилось бесконечно.

Я должен был это увидеть – я знал это с самого начала. Неподготовленного это могло ввергнуть в шок. Но не меня. В том состоянии, в котором я находился – об этом не думают.

Но не это было самым главным. Главное было спереди, и оно ожидало меня. Ранее оно стучало в мои двери. Ожидало моего ответного шага. А сейчас оно было передо мной – и ожидало меня. Я был готов.

Я всегда был к этому готов – об этом говорило моё внутреннее знание. Я мог жить, притворяясь всю свою жизнь, внутри себя точно зная о готовности. Это знание вышло на поверхность в точно возможный момент. Появись оно на миг ранее – оно ввергло бы меня в испепеляющую печаль и тоску. Появись позже – безысходность затопила бы меня... скинув на самое дно... безысходность неизбежного...

Но и это было не самое главное. Всё это было связано не с тем, что мне предстояло.

Не мы выбираем – это надо понимать. Нас выбирают – это достойно уважения.

Выбор пал на меня.

Потому что я выбрал его.

И вот сейчас мы смотрели в глаза друг другу. Я – в восхищении. Он – в понимании.

И мы были Одно.

Это не описать словами. Этого нельзя прочувствовать. Об этом не рассказать – этим можно только быть. И я этим был.

Шёл обмен – как вода, испаряясь, отдаёт часть себя воздуху; впитываясь, отдаёт часть земле; питая, отдаёт часть себя корням – шёл взаимообмен. Я отдавал больше, чем получал, и чем больше – тем становилось больше.

Я становился собой. Собой, настоящим. Я всегда им был, просто забыл о тех возможностях, которыми обладал по праву рождения на этой планете.

Но ни одна из возможностей не могла помочь мне в Жизни на этой планете, поэтому предстояло выработать новую.

Именно этим предстояло заняться.

Возвращение было – хлопок в ладоши. Миг – и я опять был там, откуда начал путь. Внешне ничего не изменилось. Но не для меня.

Я знал, как помочь сосне. Я знал, как помочь теньям. Я знал, как помочь самому себе.

Я твёрдо встал на свой путь, которым предстояло пройти к тому, о чем я точно знал.

Я запел. Слова не могут передать точно. Могут быть услышаны не точно. Могут быть поняты не точно. Звук может передать – точнее некуда. Звук подвержен фильтру меньше, чем слово.

Звук моего голоса рождал внутри и передавал наружу радость. Рождение нового мира. Не об этом ли мечтают, сидя ночью у костра, и глядя на звезды? Не об этом ли поёт мать колыбельную ребёнку?

Я точно знал – Рождение состоялось.

Зачем я пел? Новость разносилась вокруг – как круги по воде. Этой новостью стоило делиться – знание это могло поддержать сильнее, чем все слова вместе взятые.

Имеющий уши – услышит. Имеющий сердце – получит поддержку. Имеющий Душу – станет Ей. Вот и вся новость.

Но воспринята она была всеми по-разному.

Сове эта новость помочь уже ничем не могла.

Сосна поняла – ей есть куда расти.

А тени... Им стало ещё хуже, чем до знания этой новости. Так они жили плачем, не имея надежды. Но когда она появилась – они испугались. Испугались ответственности быть само-

стоятельными. Быть самостоятельными в принятии и выборе решений. Решений, касаемых Жизни лично каждой из них. Решений, выбираемых сердцем. Решений, выбираемых Душой.

Предстояло на личном примере показать, к чему может привести то или иное решение.

Я сел, и закрыл глаза. Они опустились рядом. Мы просидели не один день – день сменял ночь – так несколько раз – и ничего не происходило. Им это наскучило. Они пытались найти былое утешение в плаче – но он более не вдохновлял их. Знание о возможностях не давало былого утешения. Оно будило любопытство. Куда двигаться?, в каком направлении? – тени сами себе, очень осторожно, задавали вопросы, боясь узнать ответ.

Им нужен был дом. Желательно – новый, ещё лучше – без жильцов. Быть квартирантами – через это они уже прошли. Воспитать хозяина не получилось – как и самих себя.

Но сейчас они жили знанием – все возможно. Изменение дарует возможность будущего. А значит – Жизни. И значит – Вечности.

Тени больше не были прежними.

Мой путь мог быть продолжен.

«Первое задание».

Я шёл, не видя своих ног, куда они ступали. И чем дальше я шёл, тем уверенней становилась моя поступь. Я шёл туда, куда смотрели мои глаза. На ночь я остановился в лесу.

Тишина вокруг стояла густо, как густой туман. Через её плотную завесу ничто не пробиться. В такой тишине рождаются великие мысли. Мысли, способные изменять будущее. Мысли, возрождающие в вечности.

И я опять услышал зов.

Он звал меня по имени.

Я понял, что я близок к источнику зова, как никогда раньше.

Я отозвался.

Это пришло. Как волна. Как снежная лавина.

Это могло смять меня, как горстку пепла. Но оно пришло не затем. Совершенно – не затем.

Я вспомнил себя в прошлых жизнях – но пришло оно не затем.

Оно пришло, чтобы сказать – пришла пора выхода на сцену арены Жизни. Наступала пора сказать свое слово. Слово, которым предстояло стать. Мысль, которой надлежало быть. Именно ради этого зов явился мне. Именно ради этой минуты я стал явлен зову.

Умеющий рождать новые мысли – изменяет Жизнь в желаемом направлении. Это огромная ответственность перед всем живущим. Слово может покалечить, а мысль – убить. Рождать новые мысли, не осознав их последствий – убийство. Но кто-то рождается именно для этого – рождать новые мысли.

И я родил.

И я родился.

Отчётливо прозвучала моя первая новая мысль:

Я больше никогда не стану прежним.

Это стало отправной точкой. Точкой, из которой вышел луч. Луч, направленный в Вечность.

Я вошёл в себя. Это как матрешку вставлять – одна в другую. Это как влить воду в пустой сосуд. Я стал собой.

Что делать дальше – Жизнь покажет – она мудрая.

Сова. Она опять вспомнилась мне. Страх убил её. Он не дал ей шанс стать нечто большим, чем она могла.... Девочка из стойбища – она хотя бы попыталась.

А я?

Я жил на другой планете. Жители этой планеты очень любили друг друга. Они никогда даже мысли не допускали, что что-то, кроме естественной смерти, может лишить их Жизни. Когда пришли другие – на них смотрели, и они умирали. Что нужно было захватчикам? Земля? Пища? Жильё? Они ничем не могли воспользоваться. Землю они не любили, соответственно, не понимали. Она истощилась. Пища наша их не привлекла – их удел – состоящая из красителей и ароматизаторов. Жильё их было отличным от нашего, но строить они не умели и не могли. А в нашем им находиться было противно. Так ради чего они уничтожили все вокруг??? Этот вопрос звучал во мне, когда я слышал зов. Когда рождается вопрос – тут же рождается и ответ на него – места могут быть разными.

Мой возврат на родную планету – по моему согласию – мог быть только с одной возможностью – восстановить былое плодородие и благоухание Жизни. Этому нужно было учиться заново. Разбив мою систему, они – захватчики – разбили мою память о ней. Остались кусочки, не было целой картины.

Я готов учиться. Я постараюсь быть прилежным учеником. Ради памяти тех, кто взорами провожал меня, идущего на зов. Кто ждёт моего возврата, в надежде на возрождение.

Как можно жить, зная, как хрупок мир? С огромной осторожностью и внимательностью. Знаешь – надо отойти – отойди. Понимаешь – опасность – будь ей. Будь тем, что окружает – это ты и есть. С этим я и заснул.

Проснулся я в никогда.

Что я там видел? Несущиеся с огромной скоростью потоки плазмы. Эти потоки пронизывают все Мироздание. Они вершат судьбы, они творят Добро и Зло. Но они не всемогущи. Их время уходит, как и всего остального. Осталось немного времени подождать, когда их действие исчезнет насовсем. Но они нужны, как и всё остальное в этом Мире.

С этим можно смириться, это можно принять.

Взамен им придут новые потоки.

И тогда я вспомню себя настоящего.

И тогда я стану тем, кто я есть, на самом деле.

И я снова заснул.

Пробуждение было внезапным. Я снова сидел, и передо мной неслись потоки лавы мне навстречу. Я рос. Я расширялся. Я становился самым собой, таким, как есть. Я был. Я есть. Я буду. Я, не рождённый, умирал. Каждая моя нерожденная ещё клеточка тела умирала. Она хотела Жить, рвалась к Жизни! – но умирала. Ей чего-то не хватало, чтобы окончательно перейти к Жизни, чего-то совсем чуть-чуть, какой-то сущей малости – но этого было достаточно, чтобы никогда не родиться.

И она пришла.

Искра Жизни.

Взяла за руку, и повела за собой.

Приняла меня всего, без остатка, и осталась со мной.

А я остался с ней. Принял её всю, без остатка, и пошёл за ней. Скоро, совсем скоро, я стану ей, а она – мной.

Мы станем Единым Целым.

Впереди была ночь.

Она длилась, как Вечность. Течение ночи ничто не могло потревожить – так незыблема её суть. Ни искорки, ни проблеска, ни точки. Вечная Тишина. Погрузившись в неё хоть однажды, навеки забываешь себя. Теряешь не только свои контуры, но даже память о них. Погружение в ночь опасно. Только искра имеет в себе силы хранить память о себе – и я вслед за ней. Зачем идти в ночь? – справедливый вопрос. Незачем. Но именно в этом и заключается Действие. Нарращивание потенциала тела. Нарращивание потенциала Души. Нарращивание потенциала Духа. Других путей нет. В итоге – это моя помощь самому себе. Других способов нет.

И я готов идти до конца.

Я готов.

Предстоял путь идти в одиночку, но это больше не тяготило меня. Вызывали сомнения процессы, идущие внутри меня. Они требовали внимания к себе – и я им отдался. Внутри меня рождались и умирали звезды, проживали и умирали галактики, но всё это было – на мой взгляд – нормально. Но было внутри меня нечто, что вызывало моё непонимание. Не отвращение, не неприятие – просто непонимание. Это нечто настолько было непонимаемо мною, что это хотелось понять. Кажущееся поверхностно понимание в конце концов оказывались непониманием – а в итоге – неприятием этого процесса.

Жизнь убивала саму себя. Душила тисками. Уничтожала всеми доступными ей способами. Зачем? Почему? Ради чего?

Это непонимание искало во мне способ выхода из этой ситуации.

И я начал искать.

Я понял, что основной вопрос, который меня будет занимать – как привнести Разум в Жизнь?

Жизнь, лишённая Разума, убивает саму себя всеми возможными способами.

Великая Жизнь – мудрая, могучая – как привнести в тебя Разум?

Забыв себя, забыв о всём – кроме желания Жить – трудно что-то менять. Можно ли вспомнить о чём-то, ничего не делая? Воспоминание – тоже действие.

Я запел. Перед моим мысленным взором понеслись картины. Картины сменяли друг друга, перестраиваясь из друг в друга. Горы сменяли реки, реку меняло в поле, поле переходило в лес. Я нёсся, не зная, куда.

Зачем я это делал? Это было моей сутью – смена и переход. Вечное движение. Запуск. Что я искал? К чему стремился? Что хотел познать? Постичь?

Чем глубже я уходил в поиск ответа, тем глубже мои корни погружались во тьму. Тьма тоже искала ответ на мой вопрос. Это был общий вопрос – выстраданный всеми.

Озвученный испепелёнными губами, посланный пустыми глазницами, выраженный стоном жеста рук.

Впереди забрезжил свет. Это светила надежда. Достичь её смогут не все. Но светит она всем одинаково. Ей нет разницы – кому, её суть – зачем. Затем – что она удел. Неизбежность.

Я ступил в неё.

Забыть себя.

Забыть – зачем.

И стать единой сутью.

Простить себя.

Простить других.

Наполниться Любовью.

Вернуться, и сказать –

Не словом, а делами.

Сказать о всём – что есть сказать.

Сказать. Сказать. Делами.

Я вновь вернулся. Я сказал.

Сказать всегда о чём есть.

Сова бесшумно скользнула в темноте. Мыши, мелкие птички – всё это её меньше всего интересовало в этот момент. Её цель была важнее, чем просто интересы о еде. Она летела передать весть – я ждал её все эти годы.

Она села мне на плечо. Я как сидел, так и продолжал, не шелохнувшись.

Весть, хоть и была ожидаемой, была внезапной.

Они пришли опять.

Три тени хотели что-то рассказать.
Лично. Без посредников.

Стоило ли их выслушивать? Их свобода дала им все – вопрос, смогли ли они ею воспользоваться. Если смогли – тогда зачем им искать встречи со мной? Что-то ищет встречу через них? Если нет – их болото меня больше не интересует.

Тратить время? – такой вопрос встал, и исчез.

Сова исчезла, передав. Я решал, идти или нет. Вопрос исчез.

То, что искало встречи, найдёт меня в любом случае. Это неизбежно.

Я больше не был в тупике. Я нашёл в себе свойство уметь переключаться, уметь находить решения и ответы на любые возникающие вопросы. Любой тупик на моем пути начал превращаться в путь, любая заминка сама предлагала способ решения.

Я переходил в новое качество.

Смена и переход. Это настолько облегчало Жизнь, что она превращалась в Радость, удовольствие и наслаждение.

Это было то, к чему я шёл.

Я искал способ прихода к этому состоянию – и он пришёл. Сам.

От меня требовалось только это понять – и осознать. Более чем достаточно для обычного человека – я им и оставался.

Зачем был нужен этот поиск – это я пойму позднее.

А сейчас – в путь!

Он звал и манил меня своей простотой и заманчивостью. Нет ничего слаще на свете найти новое, неизвестное, неизведанное. Найти и пощупать все своими пальцами. Вникнуть в эту новизну каждой клеточкой тела. Своего тела.

Краски нового дня расцветивали окружающее. Солнечные зайчики прыгали вокруг, перемещаясь вслед за мной.

Я шёл и пел. Пел о новом – неважно, когда. Пел о новом – неважно, где. Всегда везде. Это было неизведанным ранее знанием. Знанием новизны.

Клад знаний заложен глубоко под землёй – возможно, в самом её центре. Идти в него – идти к себе – страх обезоруживает. И становится союзником. Нет оружия – воевать нечем – тогда и незачем. Класс!!! В центре земли источник – войди и пей. Он расскажет обо всем – в обмен на то, что знаешь. Честный обмен – никакого обмана.

Как спросить про воду?

Я это знал. И где она. И как работает её сила – направления и мощь. Но она ускользала – как песок сквозь пальцы. Или вода. И тоже сквозь пальцы... Но найти её и приручить... Об этом даже мечтать было страшно...

И я отступился. Есть вещи, в которые даже я верю. Что лучше их не трогать. И даже не думать. И даже вспоминать.

Прости меня, вода... Не сложились наши отношения – по моей воле.

А ведь ты ищешь меня!

Во снах, в видения – пятьдесят из пятидесяти – ты.

Ты говоришь своим видом – мне плохо, я грязная и больная.

Но чем, и главное – как???? – тебе помочь – я не знаю... А потому не могу...

Я не хочу помогать людям. Не вижу в этом никакого смысла.

Но помочь воде....

Она – основа Жизни.

Жизнь зародилась в воде.

И ею же закончится. Если всё будет продолжаться так же, без изменений.

Холод может стать моим союзником – если захочет. Упущено время. Надеюсь – не безвозвратно.

Если восстановить структуру воды до первоначального – первозданного – состояния, и люди будут пить эту воду – состав их тел изменится. Они не смогут жить так – как сейчас – убивая живое вокруг себя. Они изменят свое понимание окружающего – они станут им. Но восстановить структуру воды мне не по силам.... Пока...

Измениться самому – сложно, но возможно. Изменить то, с чем нарушена связь – даже контакта нет.

Значит – надо снова идти в путь. И лучше всего туда, где совсем нет воды, чтобы понять причины её ухода. Если воде некуда станет уходить, что с ней станет?

Я думаю – она осознает, что своим бегством она способствует своему исчезновению, а в последующем – загрязнению, что тоже ведёт к исчезновению.

Но вода это должна сама осознать, лично.

Пока за ней гоняются, ищут, призывают, умоляют – она может вести себя, как капризная девчонка – это её право, его никто не нарушал.

Но когда для воды созданы условия, чтобы её поддержать и помочь – вода по своему личному желанию может – если захочет – выйти на поверхность в виде родника – воздать благодарность за заботу и поддержку.

Таким образом вода может выделить тех людей, с которыми контакт восстановлен либо налажен.

Такие явления не проходят бесследно.

Мыть машину у колодца или родника могут тогда, когда у колодца или родника нет хозяина. Общий – это ничей. Ничей – значит можно делать все, что захочешь. Убивать общее стало нормой. Поэтому земле нужен хозяин, не надзиратель – но хозяин. Хозяин – ценящий имеющееся. Хозяин – оберегающий имеющееся.

Я – обычный человек, ни на что не претендующий. Я размышляю о Жизни. О причинах её угасания и исчезновения.

Но это нормально.

Это тоже – смена и переход. Больное заменяется здоровым. Больному нужен покой.

Больная вода уходит в покой.

Здоровая вода приходит.

Сама.

По своему – личному – желанию.

А я снова уйду в путь. Пройденное – полученное.

Я снова в пути.

На этот раз – там, где мне нужно быть. Там, куда стремится моё сердце. Там, к чему тянется моя Душа. То, что я стремлюсь познать. Оно там, на краю. Я смогу быть там. Я могу быть там. Я хочу понять, что так влечёт меня к себе. Что, и главное – зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.